

УДК 323.329(470)
DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-130-143

О художественной интеллигенции и общественном договоре в период перестройки (1985–1991 гг.)

Галина В. Тартыгашева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tarty@yandex.ru*

Гульшат К. Уразалиева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, urazalieva@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности общественного договора между художественной интеллигенцией и советской властью в эпоху позднего социализма и в период перестройки (1985–1991 гг.) в СССР. Накануне перестройки художественная интеллигенция находится в состоянии творческой несвободы и партийного регулирования. Общественный договор между властью и художественной интеллигенцией поддерживается в период перестройки за счет демократизации, гласности и свободы творчества, за счет рыночных, либеральных свобод и потребления, за счет «хождения интеллигенции во власть».

Ключевые слова: общественный договор, социальный контракт, художественная интеллигенция, перестройка

Для цитирования: Тартыгашева Г.В., Уразалиева Г.К. О художественной интеллигенции и общественном договоре в период перестройки (1985–1991 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 4. С. 130–143. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-130-143

On the artistic intelligentsia and the social contract during the perestroika period (1985–1991)

Galina V. Tartygasheva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, tarty@yandex.ru

Gulshat K. Urazalieva

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, urazalieva@bk.ru

Abstract. The article considers the features of the social contract between the artistic intelligentsia and the Soviet government during the era of late socialism and the period of perestroika (1985–1991) in the USSR. On the eve of perestroika, the artistic intelligentsia is in a state of creative lack of freedom and the party administering. The social contract between the government and the artistic intelligentsia is maintained during perestroika through democratization, glasnost and freedom of creative work, through market, liberal freedoms and consumption, through the “intelligentsia’s rise to power”.

Keywords: social contract, artistic intelligentsia, perestroika

For citation: Tartygasheva, G.V. and Urazalieva, G.K. (2025), “On the artistic intelligentsia and the social contract during the perestroika period (1985–1991)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 130–143, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-4-130-143

Введение

В начале 1980-х гг. взаимоотношения художественной интеллигенции и власти представляли собой партийное руководство литературой и искусством и границы свободы для творчества художественной интеллигенции. Тем не менее стиль руководства меняется, поскольку СССР позиционируется как страна развитого социализма, поддерживающая культуру, где не может быть противоречий с собственной художественной интеллигенцией, создается впечатление определенной либерализации культурного пространства. Власть приходит к осознанию того, что сохранить контроль над культурными процессами можно только раздвигая границы его легального существования, расширяя границы допустимости свободы творческих возможностей. Идеологические новации властей стимулируют развитие художественной культуры, расширяется культурное сотрудничество СССР с другими странами.

ми, творцы получают возможность участвовать в международном культурном процессе (проектах, конкурсах, выставках, фестивалях и т. д.). Официально декларируемая позиция власти наглядно демонстрируется в интервью 1984 г. с секретарем Союза писателей СССР Ю.И. Суровцевым:

Понимая, какая это тонкая и хрупкая сфера – художественное творчество, наша партия осторожно, тактично и бережно, но и последовательно, целеустремленно осуществляет свою направляющую функцию. Она несколько не посягает на право художника оставаться, образно говоря, наедине со своим творчеством. Никто не вмешивается в этот процесс, не диктует тем, идея, сюжетов – советскому художнику предоставлены самые широкие возможности для творческих исканий¹.

Но наряду с расширением культурного сотрудничества с другими странами, проведением кинофестивалей, концертов и выставок, среди методов регулирования художественных процессов используются: широкие изобличительные кампании в СМИ, письма возмущенных трудящихся, цензурные ограничения, запреты к показу и публикации, запреты выездов за границу, принудительное лечение в психиатрических больницах, вынужденная эмиграция, лишение гражданства и т. д.

Основным требованием художников к власти было требование свободы творчества, основным содержанием «инакомыслия» был существующий диссонанс между декларируемым и действительным положением дел в стране. Даже для художественной интеллигенции легального пространства культуры искренняя вера в официальные идеи становится непрестижной, а лояльность режиму и конформизм оцениваются как вынужденный компромисс, в большей или меньшей степени оправданный карьерными соображениями и творческой реализацией.

Раздвоенный этос был весьма распространен в среде творческой интеллигенции – литераторов, художников, музыкантов, режиссеров и актеров, которые болезненно ощущали путы социалистического реализма и цензурные ограничения, но нет никаких оснований приписывать эту муку миллионам людей. Интеллигент с «раздвоенным

¹ Цит. по: *Волков В.* Наше интервью. КПСС и художественная культура. Беседа с секретарем Союза писателей СССР Ю.И. Суровцевым. 28.08.1984. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1657954> (дата обращения 20 августа 2025).

сознанием» представляет собой этическую фигуру конформиста, сочетающую эгоизм, толерантность и отрицание господствующей культуры [Соколов, 2007, с. 90].

Таким образом, положение художника в обществе накануне перестройки было противоречивым. С одной стороны, «свобода от», в случае лояльности к власти решение всех материальных и бытовых проблем, с другой – высокая степень творческой несвободы, обязанность соблюдать определенные эстетические и идеологические каноны, жесткий административный контроль над творчеством.

К теории общественного договора

Важными аспектами общественного договора являются его перманентный, процессуальный характер и коммуникативная сторона, возможность постоянного взаимодействия сторон социального контракта. Классические теории общественного договора представляют факт заключения общественного договора как некое гипотетически однажды совершенное действие, как правило, описывающее взаимодействия вертикального характера (между властью и народом). И. Кант одним из первых подчеркнул процессуальный и коммуникативный характер общественного договора, когда общественный договор «заключается» и регулярно «пересматривается» в ходе общественной коммуникации между властью и различными социальными группами, между самими социальными группами. При всем разнообразии теорий общественного договора и предположении о целях, которые достигаются посредством социального контракта, необходима постоянная коммуникация между властью и народом.

Поэтому свобода печатного слова есть единственный палладиум прав народа – свобода в рамках глубокого уважения и любви к своему государственному устройству, поддерживаемая либеральным образом мыслей подданных, который оно внушает².

Необходимость реализации гражданами свобод и общественной коммуникации подчеркивается в современных теориях общественного договора у Дж. Ролза, Ю. Хабермаса, Ж. Делеза,

² Кант О. О поговорке: может быть, это и верно в теории, но не годится для практики // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 95.

П. Бурдье и т. д. Среди концепций общественного договора можно выделить теории, содержащие элементы либеральной демократии, предполагающие наличие у граждан определенных свобод, которыми они могут пользоваться, а также теории, предполагающие добровольное ограничение прав граждан в пользу государства (см. [Ниорадзе 2024]).

В СССР советской власти удалось заключить и долгое время поддерживать патерналистский общественный договор с интеллигенцией, в «гоббсовской» версии, без свобод, в том числе без свободы коммуникации с властью, что в условиях общества мобилизационного типа оказалось возможным. Важной идеейной подоплекой общественного договора с художественной интеллигенцией стали успехи форсированной урбанизации и окультуриивания широких народных масс. Культурно-просветительная работа советской власти бесконечно превосходила по масштабам работу царского правительства.

Привилегии, высокое социальное положение, возможность участия во власти, значимые материальные стимулы, которые получили представители художественной интеллигенции за лояльность и даже за искреннюю реализацию «соцреализма» в своем творчестве... [Тартыгашева 2024, с. 32]

Однако с конца 50-х гг. советское общество изменяется и перестает быть мобилизационным, в СССР формируется многочисленный образованный средний класс с взросшими и усложнившимися материальными и духовными потребностями. Особенно к началу 80-х гг. становятся очевидными не только необходимость коррекции идеологической парадигмы социализма, но и невозможность «советского культурного продукта», ограниченного методом «социалистического реализма», удовлетворить в полной мере возрастающие потребности общества, невозможность одностороннего властного действия только со стороны государства. Соответственно, реализация либеральных ценностей (свобода слова, гласность, демократизация) с началом перестройки, доступ художественной интеллигенции к власти, доступ к формированию идеологии новой власти, свобода общественного высказывания дали возможность перезаключения общественного договора с новой властью в период перестройки.

О художественной интеллигенции позднего социализма

К 1985 г. численность художественной интеллигенции составила более 500, а в 1987 г. – около 600 тыс. человек. На начало 1985 г. во всех творческих союзах состояло 56883 человека. В Союзе писателей СССР – 9418 членов, в Союзе художников СССР – свыше 19 000 членов, в Союзе композиторов СССР – 2483 человека³.

Новая советская художественная интеллигенция, воспитанная в традициях интернационализма, оказалась восприимчивой к западному влиянию. Выходцы из пролетариата и крестьянства превратились в один из самых податливых к либеральным, социал-демократическим идеям и западным потребительским практикам слоев общества. Более того, она же стала проводником этих идей в советском обществе. С 1960-х гг. советская интеллигенция массово перенимает и реализует дворянские потребительские практики, противопоставляя себя некультурным «шариковым», «гегемонам», «быдлу».

Среди причин перерождения советской интеллигенции исследователи называют: влияние послевоенной трофеиной западной культуры [Танис 2019], хрущевскую «оттепель», движение «шестидесятников» и распространение «легальной» концепции реформирования общества в «гуманный социализм с человеческим лицом» [Дмитриевский 2019], перерождение общества мобилизационного типа в советский вариант «общества потребления» [Мякшев, Гуменюк 2022], разочарование во власти, постепенное превращение в «класс для себя», потеря связи с рабочими и крестьянскими корнями [Золотарев 2012] и т. д. Советское общество мобилизационного типа, коллективистское советское общество с конца 50-х гг. постепенно обретает черты «общества потребления», характеризующегося корреляцией статусного положения от должности и индивидуального уровня потребления и распространением идеологии потребительства. Демонстрационный эффект западного общества потребления обладает значительно большим эффектом влияния на советский народ, нежели декларируемые уравнительно-аскетические идеалы.

Накануне перестройки структура художественной интеллигенции с позиций лояльности власти выглядела следующим образом. Советский культурный истеблишмент, наиболее известные и привилегированные писатели, композиторы, музыканты, режис-

³ Основные показатели работы отрасли культуры за 1985, 1990, 1993–1997 гг. М., 1998. С. 19.

серы, актеры, формирующие официальное советское культурное пространство. Вторая категория художественной интеллигенции периода позднего социализма – «честные художники», – верящие в возможность реформирования советской системы на ленинских принципах социализма, либо разочаровавшиеся в социалистическом типе общественного устройства и ушедшие в пассивную оппозицию к власти. И представители «неофициальной культуры», советского андеграунда, максимально дистанцирующиеся от власти.

С одной стороны, художественная интеллигенция массово вступает в ряды КПСС, официально-коммунистическая часть творцов является основной опорой власти.

По данным на 1 января 1985 г., в Союзе писателей СССР – 58% члены партии, в Союзе кинематографистов СССР – около 40%. В составе Союза композиторов СССР члены КПСС составляли 30%, в Союзе архитекторов СССР – 27%, в Союзе художников СССР – 20%. То есть фактически коммунистом являлся «каждый второй писатель, каждый третий композитор, каждый пятый художник... [Подцатова 2004, с. 47].

С другой стороны, как и в дореволюционную эпоху, советская интеллигенция взяла на себя функцию представителей социального протesta. В большей степени это выливалось в пассивное недовольство властью и «обсуждения на кухне». Но существует диссидентское движение, о котором фактически неизвестно широким слоям населения, которое пытается действовать в рамках закона, не призывая к насилиственному свержению существующего строя. Подобная практика диссидентства реализуется посредством подачи петиций, адресованных партийным или государственным органам, открытых писем, подписанных культурными деятелями, публикаций «самиздата» и «тамиздата», проведения несанкционированных манифестаций.

Можно говорить о противоречивой оценке своего материального положения со стороны художественной интеллигенции. В отличие от прекарной жизни художников в капиталистическом обществе, советская художественная интеллигенция была значительно экономически и социально защищена. Членство в одном из творческих союзов даже рядовых представителей художественной интеллигенции становилось своего рода гарантией материального благополучия и решения многих проблем за счет государства.

Взамен на лояльность властям и создание идеально правильной культурной продукции, широко используются практики госу-

дарственных заказов, всесоюзных и всероссийских творческих конкурсов, выплачивается гарантированная заработка плата служащим государственных учреждений, к которым относились драматические, музыкальные театры, концертные организации, издательства, редакции литературно-художественных журналов и др. При размере средней зарплаты в СССР – 150–200 руб. в месяц рядовые представители художественной интеллигенции получали 200–300 руб. в месяц, выдающиеся деятели, имеющие почетное звание «Народный артист СССР» – 300–350 руб., в сфере кино – 450 руб. Гонорары, премии известных режиссеров, артистов, музыкантов могли достигать нескольких тысяч рублей. Благодаря большим гонорарам в СССР появились легальные миллионеры из состава творческой интеллигенции.

Часть представителей художественной интеллигенции оценивали свое положение как глубоко унизительное, «кабальное», «кошмарное», особенно в сравнении с зарубежными коллегами, богатую, блестящую, полную творческой свободы и путешествий жизнь которых они некритично наблюдали. Особенно возмущала творцов устоявшаяся практика перечисления зарубежных гонораров в казну советского государства и крайне скучное содержание, которое выплачивалось представителям художественной интеллигенции за рубежом. В условиях товарного дефицита и неразвитости советского потребительского рынка подобные ограничения в западном обществе изобилия вызывали особое недовольство у интеллигенции в зарубежных поездках.

Каждый «суточный» доллар был на строжайшем счету. Один из моих партнеров на предложение пойти вместе в кафе перекусить с обезоруживающей откровенностью сказал: – Не могу, кусок застревает. Ем салат, а чувствую, как дожёвываю ботинок сына...⁴

Исследователи отмечают определенную наивность и иллюзорность восприятия и оценки своего положения среди художественной интеллигенции. В частности, результаты социологического исследования «Художественная интеллигенция в условиях перестройки», проведенного в 1989–1991 гг. под руководством Т.А. Кудриной, С.Н. Комиссарова, А.И. Шендрека в 14 регионах страны (n = 1859 человек), показывают, что доминирующей установкой массового сознания художественной интеллигенции являлось ожидание некого нового вида общества – за него высказались от 40 до 60% представителей разных творческих профес-

⁴ Плисецкая М.М. Я, Майя Плисецкая. М.: Новости, 1996. С. 257–259.

сий. Сочетание преимуществ двух систем, тип нового, подлинно гуманного общества, с приходом которого связывали свои надежды большинство деятелей культуры. Для большинства деятелей искусства характерно неприятие социализма, доминирование иждивенческих настроений, при этом всего 10–15% являлись сторонниками капитализма. Поразительным стало и смешение ценностей коллективизма и свободной конкуренции, явная прозападная позиция художественной интеллигенции. 60% респондентов из 14 республик СССР категорически отвергли какие-либо запреты на культурные контакты с Западом, ¾ молодежи поддержали эту точку зрения, менее 3% опрошенных протестовали против постмодернистских тенденций в культуре [Комиссаров 1991]. Показательно мнение американского публициста М. Дэвиду, который был, по сути, шокирован многими выступлениями представителей советской художественной интеллигенции на Первом Съезде народных депутатов СССР в 1989 г.

Даже самая антисоветская печать в США не заходила так далеко как Евтушенко в своем осуждении советского «права на труд»... Хорошо известный писатель Чингиз Айтматов ... был депутатом, представлявшим КПСС. Для него перестройка означала начало освобождения советского народа после десятков лет «крайнего духовного порабощения» (которое, кажется, его не поработило. – М.Д.).

Удивило американского публициста и заявление Ч. Айтматова о построении в Швеции, Австрии, Финляндии и Канаде социализма.

Я думаю, что это было большим сюрпризом как для крупных капиталистов... а также для рабочих [Дэвиду 1993, с. 40].

Таким образом, к началу перестройки в художественной среде был сформирован мощный запрос на свободу творчества, избавление от пут цензуры и государственного регулирования сферы культуры, и в то же время запрос на товарное изобилие, которое возможно только при рыночной экономике.

Художественная интеллигенция и власть в период перестройки

Общественно-политическая активность и оппозиционность художественной интеллигенции проявилась в поддержке М.С. Горбачева и перестройки. В начальный период дискурс строился вокруг

возврата к ленинским идеям и принципам советского государственного строительства и управления, гласности и демократизации советского общества, но затем свобода и гласность привели к гибели социализма и распаду СССР. Сотрудничество партии и художественной интеллигенции на базе идеологии обновления социализма приобретало характер диалога. Власти ищут поддержку у художественной интеллигенции. Происходят неоднократные встречи М.С. Горбачева и секретаря ЦК КПСС по идеологии (1987–1988 гг.) А.Н. Яковлева с представителями художественной интеллигенции. В условиях демократизации советского общества большую роль в жизни творческих союзов художественной интеллигенции играют принятые властью постановления, касающиеся развития творческих союзов, искусства в целом⁵.

Кризис партийного контроля и цензуры, утверждение гласности начинается с Пятого съезда кинематографистов (13 мая 1986 г.), в рамках которого произошла смена власти на реформистскую команду руководства союзом во главе с Э. Клиновым и фактически закончилась партийная цензура в кино, произошел переход проката на рыночные рельсы, объявлена самостоятельность киностудий и снятие запрета к показу с десятков запрещенных фильмов. Далее процесс демократизации, гласности и свободы слова продолжился 24–26 июня 1986 г. на VIII съезде Союза писателей СССР и на Учредительном съезде Союза театральных деятелей СССР 5 декабря 1986 г. Уже весной 1987 г. 81 театр страны перешел на работу в новых условиях свободы творчества, гласности, хозяйственной самостоятельности, в это же время кинематографисты внедряют новые модели работы, основанные на сходных принципах. В контексте перестройки осуществлено принятие новых, более демократичных редакций Уставов творческих союзов деятелей литературы, искусства, печати. Наконец-то власть внемлет гласу художественной интеллигенции, наконец во главе новой культурной элиты встали те, кого преследовала советская власть. 78 деятелей литературы, искусства и печати участвуют в работе XXVII съезда КПСС. Первый Съезд народных депутатов СССР в 1989 г. показал очень высокую активность представителей художественной интеллигенции, участвовали в работе съезда 81 деятель культуры и искусства, 54 писателя. Художественная интеллигенция преис-

⁵ Постановление Совета министров СССР № 1014 от 21 августа 1986 г. «О мерах по дальнейшему развитию изобразительного искусства и повышению его роли в коммунистическом воспитании трудящихся»; Постановление Совета министров СССР от 14 февраля 1987 г. № 213 «Об улучшении деятельности творческих союзов страны».

полнилась вновь идеей собственного мессианства, субъектности в артикуляции общественных интересов.

Однако попытки «хождения во власть» художественной интеллигенции закончились провалом, в силу отсутствия у нее правовой культуры и возможности реально повлиять на политику. Творцы не обладали необходимым потенциалом для выполнения вышеуказанных функций, их антикоммунистические взгляды сводились к критике партийного бюрократизма, но не разрушению коммунистической системы. Мифический характер носили и их надежды на создание нового, подлинно гуманного общества, сочетающего в себе преимущества двух систем.

Декларируемая свобода, демократия, гласность, новые принципы хозяйствования имели и негативные последствия. Выборность административных должностей в театрах привела к множеству конфликтных ситуаций, свобода слова и открытость советского культурного пространства способствовала распространению западной массовой культуры, в сравнении с которой советская идеологизированная массовая культура потерпела поражение. Появляющиеся массовые общественно-политические организации «в поддержку перестройки» – народные фронты, очень быстро становятся оппозиционными М.С. Горбачёву, делая ставку на антикоммунизм, на национализм. Идеологический поворот в сторону рыночного регулирования сферы культуры с осени 1988 г. приводит к расколу в творческих союзах, к тотальному сокращению государственного финансирования сферы культуры, резкому снижению уровня жизни творческой интеллигенции, недоверию к власти и разочарованию в ее возможностях. С начала 1990-х гг. сокращены до минимума все сферы интеллектуально-художественной деятельности, государством практически прекратился выпуск художественной литературы, заморожено производство отечественных кинофильмов, государство практически полностью отстранилось от поддержки культуры, выделяя лишь около 1% бюджета на содержание культурной инфраструктуры, доставшейся в наследие от СССР.

Заключение

Таким образом, условия общественного договора между властью и интеллигенцией, основанного на обеспечении безопасности и отказе от свободы, общественной коммуникации с властью в период позднего социализма перестают отвечать потребностям художественной интеллигенции. В творческой среде был

сформирован четкий запрос на свободу творчества, отсутствие цензурных ограничений и западный образ жизни при сохранении государственного обеспечения и социальной защищенности деятелей культуры и искусства. Большинство деятелей культуры не осознавало последствий действия рыночных механизмов в творческой среде, они надеялись на сохранение существующего положения при реализации идеи свободы творчества и отказа от партийной цензуры. Некритичное увлечение западными ценностями и создание и распространение идеализированного образа западного общества способствовало тому, что прекарное, уязвимое положение большинства творцов при капиталистической системе, крайняя степень социального неравенства между звездами и всеми остальными менее успешными представителями творческой среды, представителями советской художественной интеллигенции не учитывалось.

Построить некое новое, подлинно гуманное общество, сочетающее в себе преимущества капиталистической и социалистической систем, не удалось. Ценой обретения творческой свободы стала утрата привилегированной, социально защищенной позиции художественной интеллигенции. Создать что-то подлинно гениальное в условиях творческой свободы творцам так и не удалось.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was carried out in the framework of the Russian Science Foundation grant, no. 23-18-00093, project “The fate of the social contract in Russia. The evolution of ideas and lessons of implementation”.

Литература

Дмитриевский 1993 – *Дмитриевский В.Н.* Эпоха перестройки: формирование новых культурных парадигм // Художественная культура. 2019. № 4. С. 564–579.
Дэвидоу 1993 – *Дэвидоу М.* Камо грядеши, Русь? Заметки американского публициста о перестройке. М., 1993. 206 с.

- Золотарев 2012 – *Золотарев О.В. Интеллигенция: советские годы // Интеллигенция и мир.* 2012. № 4. С. 44–56.
- Комиссаров 1991 – *Комиссаров С.Н. Художественная интеллигенция: противоречия в сознании и деятельности.* М., 1991. 302 с.
- Мякшев, Гуменюк 2022 – *Мякшев А.П., Гуменюк А.А. Неудача создания общества потребления в СССР (1953–1985 гг.) как один из факторов распада единого государства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения.* 2022. Т. 22. Вып. 4. С. 470–476.
- Ниорадзе 2024 – *Ниорадзе Г.В. Справедливость как характеристика общественного договора (концепция Дж. Ролза) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2024. № 3. С. 47–35.
- Подцатова 2005 – *Подцатова И.В. Исторический опыт партийно-государственной политики в сфере культурного строительства в 1985–1991 гг.: Дис. ... канд. ист. наук.* М.: АОН, 2005.
- Соколов 2007 – *Соколов А.В. Два поколения советской интеллигенции: шестидесятники и восьмидесятники // Мир России.* 2007. № 3. С. 74–111.
- Танис 2019 – *Танис К.А. Трофейное кино в СССР в 1940–1950-е гг.: история, идеология, рецепция: Дис. ... канд. культурологии.* М.: Гос. ин-т искусствознания Мин-ва культуры РФ, 2019.
- Тартыгашева 2024 – *Тартыгашева Г.В. Художественная интеллигенция как субъект общественного договора в период культурной революции в СССР (1930-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение».* 2024. № 3. С. 24–34.

References

- Davidow, M. (1993), “‘*Kamo gryadeshi, Rus?*’” *Zametki amerikanskogo publitsista o perestroike* [Quo Vadis, Rus? Perestroika, its rise and fall], Moscow, Russia.
- Dmitrievsky, V.N. (2019), “The epoch of perestroika: the formation of new cultural paradigms”, *Art and Culture Studies*, no. 4, pp. 564–579.
- Komissarov, S.N. (1991), *Khudozhestvennaya intelligentsiya: protivorechiya v soznanii i deyatel'nosti* [Artistic intelligentsia. Contradictions in consciousness and activity], Moscow, Russia.
- Myakshev, A.P. and Gumenyuk, A.A. (2022), “The failure to create a consumer society in the USSR (1953–1985) as one of the factors in the collapse of a single state”, *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 22, iss. 4, pp. 470–476.
- Nioradze, G.V. (2024), “Justice as a characteristic of a social contract (the concept of J. Rawls)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 47–35.
- Podtsatova, I.V. (2005), *Historical experience of party-state policy in the sphere of cultural construction in 1985–1991*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia

- Sokolov, A.V. (2007), "Two Generations of the Soviet Intelligentsia. The Sixtiers and the Eightiers", *Mir Rossii*, no. 3, pp. 74–111.
- Tanis, K.A. (2019), *Trophy Cinema in the USSR in the 1940s-1950s. History, Ideology, Reception*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia
- Tartygasheva, G.V. (2024), "The artistic intelligentsia as a subject of the social contract during the cultural revolution in the USSR (1930s)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3. pp. 24–34.
- Zolotarev, O.V. (2012), "Intelligentsiya: sovetskiye gody [Intelligentsia. Soviet years]", *Intelligentsia and the World*, no. 4, pp. 44–56.

Информация об авторах

Галина В. Тартигашева, кандидат социологических наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; tarty@yandex.ru

Гульшат К. Уразалиева, кандидат философских наук, доцент, Российской государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; urazalieva@bk.ru

Information about the authors

Galina V. Tartygasheva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tarty@yandex.ru

Gulshat K. Urazalieva, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; urazalieva@bk.ru